
Теория творчества Я.А. Пономарева

© 2020 г. Д.Б. Богоявленская

*Психологический институт Российской академии образования,
Москва, 125009, ул. Моховая, д. 9, стр. 4.*

E-mail: tpo-120@mail.ru

Поступила 11.11.2019

В статье представлены основные положения теории творчества Я.А. Пономарева. Фундаментальным, исходным является утверждение творчества как атрибута материи. Основным фактором, обеспечивающим феномен творчества, выступает механизм взаимодействия. Схема исследования творчества построена на основе принципа развития, формулируемого как закон трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающихся взаимодействий. Поэтому творчество описывается Пономаревым как движение от абстрактного мышления вниз, на уровень интуиции (бессознательного), а затем подъем по всем уровням последовательно, снова вверх. *Выделение интуиции* позволяет Пономареву провести сплошную линию развития взаимодействия от неживой материи до творчества человека. Эта основная линия теории творчества Пономарева подвергается в статье критике. Одновременно подчеркивается значимость для понимания самого феномена творчества открытого им механизма инсайта.

Ключевые слова: интуиция, взаимодействие, материя, творчество, этапы, инсайт, структурные уровни, развитие, побочный продукт, догадка, Я.А. Пономарев.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-128-139

Цитирование: *Богоявленская Д.Б.* Теория творчества Я.А. Пономарева // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 128–139.

The Theory of Creativity of Y.A. Ponomarev

© 2020 Diana B. Bogoyavlenskaya

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9/4, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation.*

E-mail: mpo-120@mail.ru

Received 11.11.2019

The article presents the main propositions of the theory of creativity of Y.A. Ponomarev. The fundamental, initial statement considers creativity as the attribute of the matter. The main factor providing the phenomenon of creativity is the mechanism of interaction. The scheme of studying creativity is built on the principle of development, stated as the law of transformation of the stages of development of the system into structural levels of its organization and functional steps of the following developing interactions. That is why creativity is described by Ponomarev as the motion from the abstract thinking downwards on the level of intuition (the Unconscious) and then a step-by-step rise via all the levels again upwards. Highlighting intuition allows Ponomarev making a solid line of interaction development from the non-living matter to the human creativity. Alongside with that, the significance of the mechanism of insight, introduced by Ponomarev, for understanding the creativity phenomenon is emphasized.

Keywords: intuition, interaction, matter, creativity, stages, insight, structural levels, development, by-product, guess Y.A. Ponomarev.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–128–139

Citation: Bogoyavlenskaya, Diana B. (2020) “The Theory of Creativity of Y.A. Ponomarev”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 128–139.

Вместо введения

Господствующее с начала XX в. представление о механизме открытий, которые возникали, как правило, неожиданно, в процессе другой деятельности или отдыха (на этапе инкубации), определило неосознанную природу этого озарения (инсайта). Редкие ссылки на помощь приснившихся карт Менделееву, параллельно лежащих карандашей Яблочкову, нити паутины Броуну и пр. не меняли общего представления и не рассматривались как имеющие отношение к механизму инсайта.

В 1956 г. С.Л. Рубинштейн поставил передо мной (как научный руководитель моей курсовой работы) задачу «...раскрыть механизм инсайта». Трудно передать тот восторг, который я испытала, когда прочла статью А.Н. Леонтьева «Опыт экспериментального исследования мышления» 1954 г., с описанием результатов исследования творчества по работам Я.А. Пономарева и Ю.Б. Гиппенрейтер, повторившей его эксперимент [Леонтьев 1961]. Все формы «подсказок» на пути открытия были объединены Яковом Александровичем в одном понятии «побочный продукт». Его усмотрение выступило в качестве научного механизма творчества. Подкрепляла этот восторг констатация действия данного механизма в проводимых мною экспериментах, хотя в ходе решения испытываемыми задач я не давала подсказок, но при длительном решении они возникали спонтанно. Именно поэтому мой диплом начинался со слов: «Вслед за Пономаревым...».

В 1967 г., когда Я.А. Пономарев опубликовал книгу «Психика и интуиция», я стала свидетелем жесточайшей критики его представлений о роли интуиции в творчестве

группой наших выдающихся философов: Ф.Т. Михайлова, А.С. Арсеньева, В.С. Библера, Э.В. Ильенкова. Казалось, что с интуицией как механизмом творчества было кончено. В своих статьях (уже после смерти Пономарева) я старалась подчеркнуть то рациональное, что постоянно подтверждалось в моих экспериментах, но протестовала против сведения механизма творчества к интуиции как пути в бессознательное.

Наверное, нерезультативность такой защиты вклада Пономарева в науку заставила меня понять, что без непредвзятого анализа его текстов все бессмысленно. Но переход от позиции «Мне видится» к позиции «Что он хотел сказать» не так прост нравственно. Текст потребовал критики...

Теория Творческого Потенциала Человека

В одной из последних своих статей Я.А. Пономарев выражает сомнение: «...Едва ли можно ожидать от современной науки универсального понимания природы творчества, полностью удовлетворяющего всем собранным фактам и всякого рода запросам». «Хотя, – замечает он, – накоплено множество различных точек зрения, представлений» [Пономарев 1991, 3]. И далее он рассматривает две из них, по его мнению, наиболее распространенные.

В первой показано творчество как деятельность человека, создающая новые, оригинальные ценности (в разных областях), имеющие общественную значимость. Другая точка зрения связывает творчество с деятельностью человека, направленной на самовыражение, самоактуализацию личности. Первая акцентирует внимание на новообразованиях, возникающих в итоге человеческой деятельности; вторая тесно связана с областью побуждений к творческой деятельности, с ее мотивацией. Но каждая из них в ходе своего развития, по мнению автора, наталкивается на существенные трудности, обнаруживая свою ограниченность. Точка зрения, которая связывает понимание творчества с оригинальными продуктами деятельности человека, имеющими общественную значимость, не охватывает множество фактов, устойчиво утвердившихся на уровне здравого смысла, а нередко и на уровне науки и относящихся во многих случаях к категории творчества.

Перечисленные им аргументы неубедительны. К неохваченным проблемам относятся, по его мнению, широко распространенные убеждения в творческом поведении животных в условиях естественных и научного эксперимента, а также большое количество научных исследований, посвященных творчеству детей. Пономарев также отмечает, что творчество усматривается многими учеными и в решении «головоломок», задач на сообразительность людьми почти любого уровня умственного развития. Однако эти акты непосредственно не представляют собой общественной значимости.

Вместе с тем, подчеркивает он, «...в истории культуры зафиксированы факты, когда выдающиеся творческие достижения долгое время не обретали общественной значимости. Нельзя же думать, – задает он вопрос, – что в период замалчивания деятельность их создателей не была творческой, а становилась таковой только с момента признания?» [Там же, 4].

Отсюда его вывод, что ограничение понятия «творчество» деятельностью человека неоправданно: оно игнорирует категорию взаимодействия, источника любого развития, любого движения. Далее он подчеркивает, что «...по мере нарастания роли категории деятельности в психологической теории все большее значение приобретало осознаваемое, целенаправленное. Неосознаваемому отводилось скромное место в виде автоматизированного ранее осознаваемого» [Там же, 4]. Признавая, что введение понятия деятельности явилось необходимым этапом в поступательном развитии психологии и послужило ценным средством организации экспериментальных исследований, а также сформировало в своих недрах возможность к дальнейшему поступательному развитию науки, вслед за тем, Пономарев отмечает, что развитие этого направления закономерно приобрело «отрицательное ускорение» [Там же].

В связи с этим Пономарев считает, что для дальнейшего продвижения в области понимания природы творчества необходим решительный прорыв в направлении

от особенного ко всеобщему, путем *расширения* исходного представления о творчестве. С этой целью им выдвинуто понимание творчества «...как источника и механизма движения (взаимодействия, ведущего к развитию) – атрибута материи» [Пономарев 1991, 4].

Задавая вопрос о возможности понимания творчества как атрибута материи, Пономарев отдает отчет в том, что подавляющее большинство исследователей в данной области науки относятся к такому подходу скептически. Те, кто относят творчество к деятельности человека, просто отвергнут его, без всякой аргументации; другие же возразят, поскольку такой подход лишает человека качественного своеобразия и приводит к натурализму в истолковании творчества.

В силу этого, Пономарев рассматривает те положения, которые послужили для него основанием понимания творчества как атрибута материи. Его первым аргументом предположенному пониманию творчества послужило то, что это понимание уже было намечено в начале XX столетия. В широком смысле творчество приписывалось и неживой природе, и живой – до возникновения человека. Оно ставилось в основу эволюции мира, как одна из фаз движения от старого к новому. Утверждалось, что эта фаза продолжает собой творчество природы, что то и другое составляют один ряд, не прерывающийся никогда. Вместе с тем Пономарев подчеркивает, что само положение «творчество – атрибут материи» при этом не формулировалось.

Подчеркивая, что тезис «творчество – атрибут материи» опирается не только на непрерывающийся процесс творчества природы, но в основу его положен материал собственных исследований, Пономарев открывает путь критики его позиции.

В первую очередь им упомянуто открытие подобия динамики развития форм поведения ребенка динамике форм поведения в ходе решения творческой задачи умственно развитым человеком. Это открытие привело его к выводу о преобразовании этапов развития психологического механизма творчества в структурные уровни его организации и функциональные ступени решения творческих задач [Пономарев 1991, 9; Пономарев 1996, 19–29].

Следует понять психологию человека, открывшего Закон работы психики в столь сложной области, как творчество. Как всякая закономерность, Закон красив. Его реализация теперь становится детерминантой всего жизненного пути ученого.

Пономарев указывает на выявленный им принцип движения (понимаемый как единство взаимодействия и развития), в общем виде сформулированный как закон преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающихся взаимодействий. Компонентами этого движения являются, как считает Пономарев, взаимодействие и развитие. Обе категории жестко взаимосвязаны, поскольку развитие всегда опосредствуется взаимодействием (его продукты обычно являются продуктами взаимодействия). А проявление законов взаимодействия зависит от того, на каком этапе развития оно происходит, поскольку этапы развития являются условиями взаимодействия. Пономарев подчеркивает, что именно это привело его к пониманию творчества как атрибута материи.

Хотя традиционная «Психология творчества» ограничивала свой предмет пределами живых систем, подчеркивает Пономарев, но само представление о творчестве как источнике и механизме развития без всяких препятствий распространялось на процессы всей органической и неорганической природы. Это давало ключ к пониманию универсальных, глубинных оснований человеческого творчества. Вместе с тем это подтвердило, по мнению Пономарева, *нецелесообразность* сведения творчества к деятельности человека, поскольку оно вырывает человечество из общего процесса развития мира и тем самым делает истоки и предпосылки творчества человека непонятными.

С одной стороны, широкое понимание творчества, по мнению Пономарева, дает возможность ввести творчество в проблему развития, что позволяет использовать все те огромные знания, которые накоплены в исследованиях развития, взаимно обогащая саму проблему. С другой стороны, Пономарев утверждает, что конкретные источники

и механизмы развития элементов неживой и живой материи не тождественны источникам и механизмам развития человека и общества людей. Иначе говоря, творчество человека, общества людей не тождественно другим его формам. Все это – единая цепь различных форм. Творчество человека – одна из таких форм. И вместе с тем эта форма – одно из выражений атрибута материи.

Защищая эту позицию, Пономарев задается вопросом: «На каком же основании следует полагать, что признание творчества атрибутом материи лишает человека как субъекта творчества качественного своеобразия, приводит к той или иной форме натурализма в исследованиях творчества? На каком основании понятие творчества следует ограничивать сферой деятельности человека, отвергать широкое понимание творчества (отвергать, следовательно, даже творчество высших животных)?» [Пономарев 1991, 5]. Причины этих возражений он видит только в глубоко автоматизированных штампах, стереотипах мышления. В общем виде, к числу таких причин он относит неосознаваемый многими исследователями, недопустимый понятийный разрыв между человеческим обществом и другими формами природы. В господствующей системе понятий человек, общество оказались противопоставленными другим формам природы, отделенными от них непроходимой гранью.

Желание талантливого психолога осмыслить всю систему мироздания понятно и ему под силу. Однако сведение высшей формы психики человека, творчества к уровню психики животного нарушает закон развития. Мудрый Т. Шарден точно отметил, что «Собака знает, но она не знает, что знает» [Шарден, 1987].

Описание механизма инсайта

Построению окончательной теории творчества (нового типа [Пономарев 1994, 38]), как мы видим, предшествовала большая работа Пономарева по анализу онтогенеза мышления и затем перевода этапов его развития в структурные уровни его функционирования. Если задача не решается на верхнем уровне логического мышления, то возникает необходимость опуститься на нижний уровень наглядно-действенного мышления. То есть реального взаимодействия с предметами в рамках конкретной деятельности. Именно здесь возникает *возможность увидеть* нечто, отвечающее по своей структуре решению стимулирующей задачи. Это нечто является некоторым моментом выполняемой деятельности, ее побочным продуктом, но не целью. В ином случае это был бы повтор исходной задачи.

Понятие «побочный продукт», введенное Пономаревым, построено на основании усвоенного и изученного автором факта неоднородности результата действия человека, наличия в этом результате прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продуктов. Эта неоднородность, по мнению Пономарева, – прямое следствие неоднородности структурной организации психического.

Прямой продукт действия отвечает сознательно поставленной цели и может быть непосредственно использован в сознательной организации последующих действий (осознаваемый опыт). Побочный продукт возникает, помимо сознательного намерения, складывается под влиянием тех свойств предметов и явлений, которые включены в действие, но не существенны, с точки зрения сознательно поставленной цели.

Однако далее Пономарев подчеркивает, что специальное экспериментальное исследование, опирающееся на метод, открывающий возможность психологического проникновения в область непосредственно не отображаемых явлений (метод анализа результата предметного действия), показало, что побочный продукт существует не только в преобразованном объекте. Данное преобразование фиксируется – психически отражается субъектом (но не входит в состав осознаваемого субъективного отражения) и при известных условиях оно может принять участие в регуляции последующих действий (неосознаваемый опыт).

Как указывает Пономарев, ситуацию творческой задачи интеллектуально развитый решающий обрабатывает, прежде всего, используя сознательно организованный опыт.

Но для решения творческой задачи такого опыта, считает он, удалить недостаточно, это как бы порождает потребность в новом знании. В ходе конкретной деятельности возникает другой опыт – неосознаваемый. Этот опыт иногда содержит в себе ключ к решению творческой задачи. «*Неосознаваемый опыт и проявляется в удачный момент в виде неожиданной “подсказки”, ведущей к интуитивному решению*» [Пономарев 1967, 190].

«Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту», объявленный ведущим ученым [Аллахвердов 2011, 175–187], действительно отражает реальность. Чаще всего с явлением инсайта приходится встречаться при решении проблем на стадии инкубации. В этих случаях функционирует механизм, разработанный Пономаревым. Он первым в отечественной психологии усмотрел феномен «усмотрения»!

Объяснение феномена инсайта на этапе инкубации-величайшая заслуга таланта Я.А. Пономарева. Напомню, что типичным для гештальт-психологии является сведение объяснения инсайта к одному положению: человек так «видел» ситуацию и потому не мог решить задачу; затем он «увидел» ее иначе и решил задачу. При этом, естественно, остается непонятым, в результате какой деятельности он увидел задачу иначе, что определило ее решение. Отметим все же, что констатация самого феномена «видения» была точной. Подход к объяснению процесса его предваряющего начал исследовать первым К. Дункер, затем уже в другой парадигме эту работу продолжили С.Л. Рубинштейн и его школа. При всей критике гештальт – психологии Рубинштейном сам феномен сохранял свою природу.

Какой бы процесс ни предшествовал инсайту, его наступление или через стадию инкубации, или как результат последовательно проведенного мыслительного анализа, инсайт не менял своей формы визуальной структуры, с чем и связана его мгновенность.

Я.А. Пономарев первым в отечественной психологии выделил феномен «усмотрения» как механизма инсайта. Следует удивляться таланту Якова Александровича, который в рамках дипломной работы сделал шаг вперед в развитии закона «транспозиции отношений». Усмотрение – инсайт – возникает не просто как перенос функционального значения из одной ситуации в аналогичную по структуре, а в результате усмотрения его в «побочном продукте» деятельности.

Возможность заметить этот «побочный продукт» переводит его в «прямой», т. е. делает его актуальным для сознания. Усмотрение – узнавание структуры, отвечающей наличной доминанте, предшествует ее вербализации и поэтому оно отнесено Пономаревым к интуиции. И лишь затем, как он пишет, человек «...карабкается по уровням вверх», вербализуя усмотренное, чтобы рассказать другому [Пономарев 1967, 190]. Открытая Тихомировым значительно позже опережающая роль эмоций также подтверждает, что именно момент понимания связан с его видением до вербализации [Тихомиров 1984].

Вместе с тем, оговорю сразу, Пономарев изучал частный случай решения «творческих задач». В рамках школы Рубинштейна было показано, что догадка возникает как стремительно кристаллизующийся закономерный результат проведенного анализа. Следовательно, решение творческих задач не обязательно осуществляется на уровне подсказки «побочного продукта», как на этом настаивал Пономарев, а может проходить в рамках последовательно разворачиваемого рационального мышления [Богоявленская 1969]. Но он прав в том, что «подсказку», как *нечто внешнее*, со стороны, в своем уме вы не увидите.

Данные Гиппенрейтер подтвердили сформулированные им требования, обеспечивающие перенос. Это, прежде всего, наличие доминанты, т. е. стойкого интереса и стремления решить задачу. Поэтому принципиально, что подсказка действует только тогда, когда она дается *после* основной задачи. В качестве подсказки может выступать предмет, который вызвал на себя *ориентировку*. Поэтому значимость выполняемой деятельности, в процессе которой можно увидеть подсказку в ее побочном продукте, не должна конкурировать с имеющейся доминантой. Итак, усмотрение «побочного продукта» происходит в некотором моменте выполняемой деятельности, но не становится

ее целью. При этом детерминантой, ведущей к инсайту, является наличие поисковой доминанты. Сам же «побочный продукт» возникает, как правило, вопреки сознательному намерению.

Выделение интуиции позволяет Пономареву провести сплошную линию развития взаимодействия от неживой материи до творчества человека. В этой цепи творчество описывается как движение от абстрактного мышления вниз, на уровень интуиции. (Однако, по нашему мнению, сознательно войти в бессознательное можно только при получении травмы или гипноза).

Проводя эксперимент, Пономарев детально описывает этапы процесса решения предъявленных задач. На низшем пределе этого механизма знаковые модели применительно к побочным продуктам вообще не функционируют. Формирование таких продуктов возможно лишь при опоре на предметы-оригиналы. Производство побочных продуктов не осознается, контролируется исключительно предметами-оригиналами. Оценка эффекта использования побочного продукта *эмоциональна*. На следующем уровне побочный продукт «проникает» во внутренний план (все представленное во внутреннем плане осознано и может быть выражено в форме знаковых моделей). На третьем уровне во внутренний план «проникает» и соответствующий эффекту использования побочного продукта способ. В контроль и оценку включаются представления. Побочный продукт преобразуется в прямой. В дальнейшем дифференцируется способ действия, приводящий к преобразованному продукту (теперь он уже может быть выражен в знаковой форме): вверх идет операция, вниз – соответствующее ей средство действия, навык. Контроль и оценка становятся все более логичными. Роль представлений и эмоций в том и другом ограничивается. Наконец, намечившаяся тенденция полностью разворачивается. Контроль и оценка становятся всецело логическими. Пробы и ошибки свертываются. Решение опирается на логический анализ и синтез структуры задачи.

Таким образом, по Пономареву, процесс интуитивного поиска не осознается. «Вначале осознается лишь сам факт удовлетворения потребности. Поэтому интуитивное решение выступает как неожиданное, как то, что называли “инсайтом”, “озарением” и т. п. Оно всегда предшествует логическому)». Этот феномен давно известен психологии творчества, хотя и оставался долгое время непонятым. Логическое решение творческой задачи возникает лишь на базе интуитивного, т. е. тогда, когда задача фактически уже решена. «Логическое решение побуждается потребностью передать интуитивно найденное другому человеку, обосновать, доказать правомерность такого решения, использовать его для решения более сложной однотипной задачи и т. п. Здесь и возникает необходимость выразить решение в языке, вербализовать его, а иногда и формализовать, иначе говоря – оформить логически» [Пономарев 1067, 193]. Используя побочный продукт, решающий «взбирающийся по лестнице» структурных уровней психологического механизма интеллекта.

Таким образом, решение творческой задачи можно расчленить как бы на две основные фазы: 1) фазу интуитивного поиска и получения интуитивного эффекта, интуитивного решения (т. е. ту фазу, которую в прошлом иногда называли «психологическим» решением) и 2) фазу его вербализации, формализации (т. е. ту, которую соответственно связывали с «логическим» решением). Фаза вербализации и формализации – «логического» решения – относительно подробно изучена в психологии [Там же, 194].

Неубедительность данного вывода наглядна при анализе любого приводимого Пономаревым примера. Свернутость этого процесса не говорит о его неосознанности. Во-первых, он сам признает, что эмоция возникает в результате удовлетворения потребности (имеется в виду потребность решения предъявленной задачи). Но оно может возникнуть только как результат *понимания*. Во-вторых, сама форма представления признается Пономаревым как *осознанная*.

Связь данного этапа с интуицией не доказана. Не допуская мысли о непродуманности Пономаревым сделанного вывода, можно предположить, что описание этапов решения было сделано в эксперименте с младшими школьниками, у которых еще

не сформирована способность к рефлексии, и поэтому они не могли объяснить возникшую первоначальную радость, которая свидетельствует о состоявшемся решении задачи.

Рассмотрим пример, который приводит Пономарев в своей брошюре. Даны под-сказка и задача. Отмечается, что «...важен только порядок их следования». Вспомним мост Броуна. Висящую паутину наверняка видело до Броуна множество людей, в том числе и инженеров. Но никто из них на этом основании не построил висячий мост. Несомненно, что и сам Броун много раз прежде видел эти серебряные нити. Однако это не помогло ему сразу создать нужную конструкцию. Необходимо было вначале бесплодно биться над задачей, и лишь после этого паутина заговорила. Броун нашел принцип решения без рассуждений. «Он буквально увидел его. Это и была интуиция» [Пономарев 1967, 238]. Но «увидеть» можно уже представление. А оно, по признанию Пономарева, осознается. К тому же, паутина не могла быть побочным продуктом в деятельности Броуна. В данной конкретной ситуации ее положение между кустами отражает структуру, отвечающую доминанте, стоящей перед ним задачи. Вдобавок чувство исчерпанности возможных путей решения проблемы усиливает подстерега-тельность (Ухтомский) внешних воздействий. Для усмотрения сходства здесь нет необходимости в рассуждениях. Мы также не рассуждаем, садясь в долго ожидаемый транспорт.

Точно также знаменитый ученый Пуанкаре во время путешествия, поднимая ногу на подножку омнибуса, в пространстве между параллельными ступеньками увидел скачок в изменении показателя параметра и понял, что его проблема решается не в алгебре, а в геометрии [Богоявленская 2017, 103–109].

Детально описанные Пономаревым этапы не имеют места в процессе творчества. Даже в случаях подсказки «побочного продукта», на уровень интуиции мышление не опускается. Если в процессе деятельности «побочный продукт» может не осознаваться, то при попадании в поле нашего внимания он осознается.

Но если бы мышление и опускалось бы на уровень интуиции как неосознаваемое, то вербализоваться не могло бы. Ранее в своих статьях я пыталась доказывать, что феномен интуиции взят Пономаревым для фиксации понимания при наличии наглядной структуры идеи, а упоминание о «карабкании» вверх, чтобы сказать другому, как указание на вербализацию, которая невозможна при подлинной интуиции [Богоявленская 2010; Богоявленская 2014; Богоявленская 2015].

В реальном процессе подсказки вербализация включена в ПОНИМАНИЕ, «ощущаемый смысл», что, по Ханту, осуществляется новой корой, реализующей межмодальную трансляцию (*образ – слово*) в момент видения [Хант 2002]. Подчеркнем, видение принципа решения не формируется движениями по функциональным ступеням, а наличием доминанты, в рамках которой проведен подготовительный этап анализа.

В этом плане важно исследование тактильной деятельности слепых шахматистов, которое позволило О.К. Тихомирову фиксировать наличие невербализованного операционального смысла решения, что привело к открытию О.К. Тихомировым феномена «предрешения» задачи. Для нас принципиально важно, что Тихомиров при этом подчеркивает значимость анализа исследовательской деятельности, предшествующей возникновению у испытуемого «предрешения» задачи – невербализованного (вслух) операционального смысла решения. Он пишет: «Именно это звено процесса решения задачи обычно ускользало от исследователей, пользующихся исключительно либо данными словесного отчета, либо рассуждений вслух, что и порождало иллюзорные представления о том, что сущность мышления состоит в далее нерасшифровываемом акте “усмотрения”. На самом же деле, как теперь стало ясно, данные представления связаны с ограниченностью методов анализа мышления» [Тихомиров 1984, 52]. Тихомиров обращает внимание на то, что анализ протоколов речевого рассуждения испытуемого обнаруживает классический феномен внезапного появления «идей», определяющих ход решения задачи. Он подчеркивает, что, если ограничиться только данными

речевого протокола, этот акт действительно выступает как внезапный. Им прослежена динамика, в ходе которой происходит постоянное соотнесение действий, осуществляющихся на разных уровнях мыслительной деятельности. Прослежено изменение структуры тактильного и зрительного поиска под влиянием словесно сформулированной гипотезы.

В этом аспекте интересно мнение самого Пономарева по поводу того, что при объективации взаимодействия предметов, составляющих условия задачи в знаковой модели, в этом и состоят так называемые муки, связанные с превращением мыслей в слово. Однако он уходит от понимания этого процесса, и для вербализации понятого субъект должен подниматься на следующие уровни, чтобы сохранить этап интуиции.

Основная причина ошибочности модели Пономарева, как нам представляется, связана с отсутствием учета исходной ситуации, как независимо целостной. То, что сформировалось в качестве побочного продукта, в данной ситуации выступает в *полноте признаков*, если оно попадает в поле внимания субъекта. Более того, оно воспринимается с позиции ведущей доминанты. Именно она позволяет увидеть в предмете, в первую очередь, важные для нее свойства предмета. Этот момент был доказан уже в исследовании Гиппенрейтер, повторенном вслед за дипломной работой Пономарева. В описании процесса решения испытуемым, она приводит факт неожиданного решения исходной задачи даже до предъявления планируемой подсказки. В ее качестве неожиданно выступила поставленная на стол в обеденном перерыве солонка. В аспекте проводимого исследования можно рассматривать солонку в качестве побочного продукта желания накормить испытуемого. Гиппенрейтер не обратила внимания на форму солонки. Однако для испытуемого она выступила как объект, форма которого содержала множество пирамидок. В них он увидел подсказку перевода требуемого построения из плоскости в пространство. В последующих экспериментах Гиппенрейтер давала задачу-подсказку, которая содержала решение, отвечающее структуре исходной задачи. Подсказка предъявлялась на разных этапах решения основной задачи. На ранних этапах она не решалась. А решалась на поздних, когда был исчерпан опыт всех возможных проб.

Этот факт был далее подвержен объяснению в дипломной работе К. Славской под руководством С.Л. Рубинштейна. В этом исследовании, также на примере роли подсказки, доказывалось, что она выполняет свою роль только тогда, когда основная задача достаточно проанализирована, т. е. ее условия обобщены [Рубинштейн 1959]. При наличии такой доминанты человек может усмотреть нужную для их решения структуру в другом объекте. Фактически, это подтверждает и сам Пономарев, противореча себе: «...В условиях творчества всегда необходимо стремиться к предварительному максимальному упрощению проблемы, к ее предельной схематизации» [Пономарев 1967, 246].

Многочисленные факты, подтверждающие верность этого вывода, полученные нами в основном при исследовании мышления в период 1957–1969 гг., приводились в статьях при описании собственных данных и статьях, посвященных творчеству Я.А. Пономарева [Богоявленская 2010; Богоявленская 2014; Богоявленская 2015].

Интуиция, интегрируя весь жизненный опыт, помогает, регулируя поведение, но не является демиургом нашей способности к творчеству. Доказательством этому может служить наступление инсайта в результате последовательного проведенного анализа проблемы. Путь от инкубации к инсайту не оказывается таким уж неизбежным. Просто когда он наступает как закономерный результат проведенного анализа, он представляется естественным его следствием, и его переживание не вызывает вопросов о его истоках. Человек знает, как он к этому пришел. Еще в дипломной работе нами было показано, что инсайт возникает как стремительно кристаллизующийся закономерный результат проведенного мыслительного анализа [Богоявленская 1969]. Следует также отметить, что в процессе решения «творческих задач» очень часто процесс развернутого мыслительного анализа прерывался неожиданным для самого испытуемого решением, в связи с его усмотрением в «побочном продукте». Однако, это ускорение

решения не отрицает возможность последовательного анализа проблемы и возникновения инсайта на этом пути [Богоявленская 1969; Богоявленская 2014].

Глубокий анализ В.М. Аллахвердова текста Пономарева позволяет понять, что «...из приведенного исследования вытекало, что самым тонким моментом является не придумывание решения, а его осознание» [Аллахвердов 2011]. Более того, Пономарев делает вывод: чем больше прямой продукт действия удовлетворяет той или иной потребности субъекта, тем меньше вероятность переориентировки на побочный продукт и тем резче угасает поисковая доминанта, вызванная стимулирующей задачей. Это говорит в пользу двух факторов: во-первых, уменьшая значимость прямого продукта, мы открываем дорогу *сознанию*, чтобы заметить побочный продукт. Во-вторых – детерминантой процесса, ведущего к инсайту, является поисковая доминанта. Бессознательное этот процесс не определяет. Кстати, открытая О.К. Тихомировым опережающая роль эмоций подтверждает, что момент *понимания* связан с его видением до вербализации вслух [Тихомиров 1984].

К подлинной интуиции следует отнести, пожалуй, переживания, когда нам кажется или мы чувствуем, что надо поступать именно так, но мы не можем дать разумного обоснования своим действиям. Имея общую природу наглядного восприятия, феномен усмотрения ответа в «побочном продукте», в моем понимании, противоположен интуиции по своей природе. Он *осознается*.

Заключение

Опыт 10 лет (изучения мышления путем решения проблемных ситуаций) убедил в том, что если задача не решается сразу логически, то она решается часто при помощи побочного продукта, что ускоряет решение задачи. Примеры Гиппенрейтер с солонкой, мой с коробкой спичек, телевизором, абажуром и многие другие многократно представлены в публикациях.

Вместе с тем, следует отметить, что значение концепции Пономарева поддерживается утверждениями (приведу лишь авторитетов) в дуализме [Ушаков 2011], намерением открыть «...ключ к тайнам интуиции, бессознательного» [Аллахвердов 2011, 179], приветствием в реализации экспериментального исследования бессознательного, установлением факта рассогласования цели и результата [Селиванов 2011, 192]. Лишь возмущенный О.А. Тихомиров, который, выйдя через 20 лет после Пономарева на открытый тем феномен, пишет: «Часто этот акт характеризуется как внезапный, непосредственно из предшествующей деятельности не вытекающий, и получает далее нерасшифровываемое наименование «интуиция», «усмотрение решения», которые противопоставляются аналитическому, или дискурсивному мышлению» [Тихомиров 1984, 76]. В целом описанный процесс решения задач, представленный Тихомировым, это непревзойденный по сей день анализ процесса мышления, идущего за «закрытыми дверями» непосредственно не наблюдаемых его проявлений. Его критика теории Пономарева, сводящего творчество к интуиции, научно обоснована и убедительна.

Критический анализ теории творчества Я.А. Пономарева, включающий механизм интуиции, приведен нами в связи с усилением ее использования в отечественной психологии для доказательства рассмотрения творчества как продукта бессознательного процесса. При этом рассмотрение теории творчества, разработанной Я.А. Пономаревым, в данном аспекте маскирует основную научную заслугу талантливого ученого в раскрытии им механизма инсайта.

Источники – Primary Sources

Пономарев 1960 – *Пономарев Я.А. Психология творческого мышления*. М.: АПН РСФСР, 1960 [Ponomarev, Yakov A. (1960) *Psychology of Creative Thinking*, APN RSPSR (in Russian)].

Пономарев 1967 – *Пономарев Я.А. Психика и интуиция*. М.: Изд. политической литературы, 1967 [Ponomarev, Yakov A. (1967) *Psychic and Intuition*, Izdatel'stvo Politicheskoy Literatury (in Russian)].

Пономарев 1976 – Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976 [Ponomarev, Yakov A. (1976) *Psychology of Creativity*, Nauka, Moscow (in Russian)].

Пономарев 1991 – Пономарев Я.А. Исследование творческого потенциала человека // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 3–12 [Ponomarev, Yakov A. (1991) *Research of Men's Creative Potential* (in Russian)].

Пономарев Я.А. Психология творчества: перспективы развития. // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 38–50. [Ponomarev, Yakov A. (1994) *Psychology of Creativity: Perspectives of Development*, Nauka, Moscow (in Russian)].

Пономарев 2006 – Пономарев Я.А. Труды Я.А.Пономарева. М.: ИП РАН, 2006 [Yakov A. Ponomarev's, Works, IP RAN (in Russian)].

Шарден П.Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987 [Teilhard de Chardin (1955), *Le Fénoène Humain* (Russian Translation 1987)].

Ссылки – References in Russian

Аллахвердов 2011 – Аллаxвердов В.М. Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: ИП РАН, 2011. С. 175–187.

Богоявленская 2009 – Богоявленская Д.Б. Об эвристической функции модели проблемной ситуации // Проблемы эвристики. М.: Высшая школа, 1969. С. 137–151.

Богоявленская 2010 – Богоявленская Д.Б. Теория Я.А. Пономарева сквозь призму отечественной психологии мышления. М.: ИП РАН, 2010.

Богоявленская 2014 – Богоявленская Д.Б. О природе инсайта. М.: ИП РАН, 2014.

Богоявленская 2015 – Богоявленская Д.Б. Сознание и творчество. Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты. Материалы международной конференции. 15–17 октября 2015 г. Самара, 2015. С. 17–21.

Богоявленская Д.Б. Феномен Пуанкаре – современная интерпретация // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 103–109.

Леонтьев 1964 – Леонтьев А.Н. Мышление. Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.

Рубинштейн 1959 – Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: АПН, 1959.

Селиванов 2011 – Селиванов В.В. Осознанное и неосознанное в продуктивном мышлении субъекта // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: ИП РАН, 2012. С. 98–115.

Тихомиров 1984 – Тихомиров О.А. Психология мышления. М.: Академия, 1984.

Ушаков 2006 – Ушаков Д.В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: ИП РАН, 2006. С. 19–142. Хант Г. О природе сознания. М., 2004.

References

Allakhverdov, Viktor M. (2011) “Inevitable Way of Creation: from Incubation to the Insight”, *Tvorchestvo*, IP RAN, Moscow, pp. 175–187 (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2009) *On Heuristics Function of Problem Situation's Model, Problem's of Heuristics*. Vysshaya Shkola, Moscow, pp. 137–151 (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2010) *Ponomarev's Theory through the Prism of Russian Consciousness Psychology*, IP RAN, Moscow (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2014) *On the Nature of Insight*, IP RAN, Moscow (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2015) “Consciousness and Creativity”, *Psychology of Thinking: Ethnic, National, Religious, Rights and Regulative Aspects. Theoretical and Methodological Issues as a Subject of Scientific Research, October, 15–17, 2015*, Samara (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2017) “Poincare Phenomenon – Modern Interpretation”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2017), pp. 103–109 (in Russian).

Hunt, Harry T. (1995) *On the Nature of Consciousness Cognitive*. Phenomenological and transpersonal Perspectives New Haven and London. Yale University Press (Russian Translation 2004).

Leontiev, Alexey N. (1964) *Thinking, Encyclopedia of Philosophy*, Vol. III. Soviet Encyclopedia, Moscow (in Russian).

Rubinshtejn, Sergey L. (1959) *Principes and Ways of Psychology's Development*, APN, Moscow (in Russian).

Selivanov, Vladimir V. (2011) “Consciousness and Unconsciousness in Subject's Productive Consciousness”, *Creativity: from Biological Foundations to Social and Biological Phenomenon*, IP RAN, Moscow, pp. 98–115 (in Russian).

Tichomirov, Oleg K. (1984) *Psychology of Thinking*, Academy, Moscow (in Russian).

Ushakov, Dmitry V. (2006) *Psychology's Languages of Creativity*: Y.A. Ponomarev's Scientific School, *Psychology of Creation*, IP RAN, Moscow, pp. 17–142 (in Russian).

Сведения об авторе

БОГОЯВЛЕНСКАЯ Диана Борисовна –
доктор психологических наук, профессор,
академик РАЕН, МАПН, почетный член РАО,
главный научный сотрудник,
руководитель группы диагностики творчества
ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Author's Information

BOGOYAVLENSKAYA Diana B. –
DSc in Psychology, Professor, Academician
of RAEN, MAPN, Honoured member of RAE,
chief scientist, head of the group
of creativity diagnostics FGBNU
“Psychological Institute of the RAE”.